

Политическая лингвистика. 2024. № 3 (105).
Political Linguistics. 2024. No 3 (105).

УДК 81'371+81'42+81'38
 ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш105.3

ГРНТИ 16.21.07

Код ВАК 5.9.5, 5.9.8

Марина Николаевна Ляшева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, marina-lyasheva@mail.ru, SPIN-код: 4230-3467

Лексические маркеры конфликта в неформальной политической интернет-коммуникации: функционально-прагматический аспект

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассмотрена специфика функционирования лексических единиц, обладающих конфликтогенным потенциалом, в текстах неформальной политической интернет-коммуникации. В качестве материала исследования методом целенаправленной выборки были отобраны тексты постов и комментариев из социальной сети «В контакте» и мессенджера Telegram. В результате контекстуального анализа было установлено, что в зависимости от прагматического контекста и психологических особенностей адресата почти аналогичные лексемы могут проявлять разную степень конфликтогенности. Выделяются лексические маркеры, которые с высокой степенью вероятности способны спровоцировать конфликт. Как правило, это инвективная, обсценная и негативно окрашенная лексика, которая адресована конкретному человеку или группе людей, чтобы оскорбить, унижить, обезличить их. Использование таких единиц также способно косвенно дискредитировать политиков и их деятельность. Однако эти же языковые единицы, обращенные в массовой коммуникации напрямую к публичной политической личности, являются проявлением речевой агрессии с целью эмоциональной разрядки. Реальным адресатом в этом случае выступает солидарная группа людей, разделяющая точку зрения коммуниканта. Лексемы, которые направлены на критику действия и не затрагивают личностных особенностей оппонентов, обладают меньшей конфликтогенностью. Полученные результаты вносят вклад в теорию конфликтогенного речевого поведения, а также расширяют представление о неформальном политическом дискурсе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-ресурсы, интернет-дискурс, интернет-тексты, социальные сети, лексические единицы, лексемы, неформальный политический дискурс, непрофессиональный политический дискурс, речевая агрессия, маркер конфликта, конфликтоген, когнитивная метафора.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ляшева Марина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Южный федеральный университет; 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, к. 310; email: marina-lyasheva@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ляшева, М. Н. Лексические маркеры конфликта в неформальной политической интернет-коммуникации: функционально-прагматический аспект / М. Н. Ляшева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3 (105). — С. 77–81.

Marina N. Lyasheva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, marina-lyasheva@mail.ru, SPIN: 4230-3467

Lexical Markers of Conflict in Informal Political Communication: Cognitive-Pragmatic Aspect

ABSTRACT. This article considers the specificity of the functioning of lexical units with conflictogenic potential in the texts of informal political Internet communication. Texts of posts and comments from the social network 'V Kontakte' and Telegram messenger were selected via the method of purposeful sampling as practical research material. As a result of a contextual analysis it was found that depending on the pragmatic context and psychological peculiarities of the addressee practically similar lexemes can show different degrees of conflictogeneity. The study identifies lexical markers that are highly likely to provoke a conflict. As a rule, they include invective, obscene and negatively colored vocabulary, which is addressed to a particular person or a group of persons in order to insult, humiliate, or depersonalize them. The use of such units can also indirectly discredit politicians and their activity. However, the same linguistic units, addressed in mass communication directly to a public political figure, represent a manifestation of verbal aggression with the purpose of emotional discharge. The real addressee in this case is made up of a solidarity group of people who share the communicant's point of view. The lexemes, which are aimed at criticizing the action and do not touch upon the personal characteristics of the opponents, have a lesser degree of conflictogeneity. The results obtained contribute to the theory of conflictogenic verbal behavior, as well as expand the understanding of informal political discourse.

KEYWORDS: political discourse, political texts, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet resources, Internet discourse, Internet texts, social networks, lexical units, lexemes, informal political discourse, non-professional political discourse, verbal aggression, conflict marker, conflict gene, cognitive metaphor.

AUTHOR'S INFORMATION: Lyasheva Marina Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

FOR CITATION: Lyasheva M. N. (2024). Lexical Markers of Conflict in Informal Political Communication: Cognitive-Pragmatic Aspect. In *Political Linguistics*. No 3 (105), pp. 77-81. (In Russ.).

Различные изменения современного общества зачастую сопровождаются ростом социального напряжения, которое периодически трансформируется в открытое противостояние. В основе него лежит проявление участниками речевой агрессии. В современной лингвистике оформилось несколько дополняющих друг друга подходов к толкованию данного феномена. В рамках психолингвистического подхода (Н. В. Быкова, В. И. Жельвис, К. Ф. Седов и др.) речевая агрессия описывается как социально-психологическое явление, которое находит свое воплощение в словесной форме. Внутри лингвоэтического подхода (Н. Д. Голев, Воронцова, А. П. Сквородников, Б. Я. Шарифуллин и пр.) рассматривается уместность употребления негативно окрашенных единиц по отношению к другому человеку или группе людей с точки зрения этики [Балахонская, Быков 2018: 494]. Ю. В. Щербинина понимает под речевой агрессией словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме [Щербинина 2018].

Тексты, содержащие речевую агрессию, обозначают как конфликтные/конфликтогенные. Часто термины используются как синонимы. Некоторые ученые предлагают их разграничивать, уточняя, что конфликтогенные тексты провоцируют конфликт (на это указывает компонент *-генный*, от латинского *genos* — порождающий), а конфликтные отражают весь процесс противостояния [Макаренко 2019: 29–30].

В виртуальной коммуникации агрессия находит свое выражение прежде всего на лексико-стилистическом уровне и реализуется в грубых высказываниях, экспрессивных оборотах, открытых и завуалированных оскорблениях, некорректных сравнениях и т. п. Маркерами конфликта (конфликтогенами) являются грубые, вульгарные и стилистически сниженные слова и выражения, инвективная и обценная лексика, зоосемантические метафоры и пр. [Михайлова 2022: 55; Карповская 2022: 17]. Тем не менее реальную конфликтогенность таких лексических единиц необходимо оценивать, учитывая прагматические условия [Макаренко 2018: 76] и фактор адресата, а именно его психологические установки, влияющие на восприятие высказывания [Жельвис 2001: 78]. Так как предположить реакцию другого человека сложно, даже учет объективных языковых характеристик и специфики кон-

текста в определении конфликтогенности допускает некоторую долю условности.

Политический дискурс является одним из наиболее конфликтогенных типов дискурса [Карповская 2022: 20]. Такое мнение сложилось, на наш взгляд, по нескольким причинам. С одной стороны, дискредитация противника посредством речевой агрессии возникает как следствие борьбы за власть. С другой стороны, с появлением новых медиа и развитием средств коммуникации политический дискурс становится всё более многогранным. Он включает не только деятельность политиков и политических партий, но и различные новостные группы, развлекательные каналы, распространяющие шуточные тексты и мемы на политическую тематику, которые ведутся обычными пользователями. Такую неформальную коммуникацию И. В. Савельева называет непрофессиональным политическим дискурсом и определяет как «дискурс реагирования рядовыми гражданами на политические решения, события, происходящие в обществе в текущий момент» [Савельева 2022: 61]. Однако бытовые тексты политической тематики, наряду с художественными и научно-популярными, А. П. Чудинов относит к дальней периферии политической речи [Чудинов 2006: 36].

Для политического дискурса характерно проявление оппозиции «свой — чужой», которое обычно основано на противопоставлении представителей разных идеологических взглядов. «Стремление поддержать „своих“ и показать в неприглядном свете „чужих“, — это типичные свойства всякой политической коммуникации» [Чудинов 2006: 71]. Именно поэтому большая часть конфликтогенов из нашей выборки представлена экспрессивными номинациями противников по идеологическому признаку.

Наиболее частотна пара *левак — правяк*. Первая лексема зафиксирована в словарях, в то время как вторая является новым словом, образованным по аналогии. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова слово *левак* помечено как разговорное и неодобрительное, а в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова — как пренебрежительное. Но в Современном толковом словаре русского языка Ефремовой остается только помета *разговорное*, что может поставить под сомнение определение варианта *левак* в качестве маркера конфликта. Потеряв неодобрительную окраску, разговорная номинация в интернет-общении выгля-

дит органично. Тем не менее подобная единица, сопровождаемая уточнениями, дополнительными характеристиками, может использоваться как оскорбление. Покажем это наглядно в следующем примере, где проводится аналогия с использованием сленгового слова, называющего никчемного и неуважаемого человека [Словарь современной лексики, жаргона и сленга 2014].

Новые «исследования» шведских учёных. Не любишь запах пота, мочи и дерьма — склонен к правым взглядам. Левак = говнар, теперь официально [https://t.me/righthigh/7506, последняя дата обращения 3.12.2022] (здесь и далее в примерах сохранены авторские орфография и пунктуация. — М. Л.).

Прагматическим потенциалом обладают неологизмы, созданные по разным словообразовательным моделям. В нашей выборке большинство новых слов образовано при помощи суффиксации (*пукинист, зетник, ватник, навальнист* и др.) и сложения (*либерда, либераст, толераст, кремлебот, кремлеботва, пропагандон* и т. д.). Единицы последнего типа отличаются большей экспрессивностью, поскольку хотя бы один из компонентов включает негативно окрашенную сему.

Либерда в своем репертуаре 😊 [https://vk.com/polit_yumor?w=wall-26103858_204743_r204761, последняя дата обращения 1.03.2024]

должно коробить как раз не вату, а охреневших в край евролиберастов, которые в своём стремлении нагадить РФ за шиворот дошли до того, что поддерживают фашизм. [https://vk.com/polit_yumor?w=wall-26103858_204598_r204726, последняя дата обращения 28.02.2024]

В период стремительного развития информационных технологий появляется новое бранное слово *бот*, которое используется в виртуальном общении. Данная лексема является сокращением от слова *робот* и обозначает тип специальных программ, которые выполняют заданные действия, в частности — распространение стандартных комментариев в социальных сетях. В последнее время в полемике в комментариях так называют реальных людей, которые активно отстаивают свою точку зрения. Назвав оппонента ботом, собеседник пытается обезличить его и косвенно дискредитировать политика, партию или политическое течение. Этим говорящий как будто намекает, что реальный человек не может такое поддерживать.

Мои поздравления сраный кремлебот) [https://vk.com/polit_yumor?w=wall-26103858_203610_r203655, последняя дата обращения: 6.04.2024]

Способны спровоцировать конфликт также лексемы, указывающие на негативные

личностные качества, подчеркивающие физические особенности и обозначающие ментальные состояния.

<...> Конченные вы либералы, ничем не лучше зетников, а может, в своем лицемерии, даже хуже [https://vk.com/polit_yumor?w=wall-26103858_204598_r204685, последняя дата обращения 24.02.2024]

потому что ватники агрессивные далба*бы и им кого-то нужно ненавидеть. [https://vk.com/politicsright?w=wall-85806349_175612_r175617, последняя дата обращения 13.04.2024]

Те кто привык думать это все понимают. А недоразвитые пусть сказкам про нищюю Европу из телевизора продолжают верить. [https://vk.com/politicaelite?w=wall-123916919_303454_r303455]

Неоспоримым конфликтогенным потенциалом обладают различные сравнения с животным миром — зооморфизмы. Обычно при уподоблении человека животному подразумевают негативные качества (глупость, упрямство, невоспитанность и пр.). Подобные единицы с высокой вероятностью способны спровоцировать конфликт, потому что, обозначая другого человека животным, собеседник как будто принижает его по отношению к себе.

Комменты от тупоголового прогрессивного скота в группе гомогоя Игоря Суняка, по поводу геноцида армян. <...> [https://t.me/righthigh/2399, последняя дата обращения: 29.11.2022]

Отчетливо заметна тенденция, при которой противник не просто уподобляется животному, а ставится ниже.

Проще объяснить барану, чем ватникам, это больные люди, моральные инвалиды.

Сравнение либералов с их тотемными животными. Не знаю как вам, но мне кажется сравнивать либералов с животными — оскорбление для последних [https://t.me/righthigh/10081, последняя дата обращения 22.11.2022]

Подобным значением обладают и фитосравнения, когда оппонент приравнивается к растительному миру. Обычно в таких случаях используются не наименования конкретных растений, а родовое слово. Аналогия проводится в отношении человека, не способного осуществлять минимальную интеллектуальную деятельность.

Мировоззрение растений не перестает удивлять 👍 [https://vk.com/s_mayonezo m?w=wall-43901086_5624760_r5624781, последняя дата обращения: 25.03.2024]

Уже упомянутые единицы могут обладать и неоднозначным конфликтогенным

потенциалом. В таком случае слово представляет собой не прямое оскорбление или унижение оппонента, а критику его действий.

<...> *твой мем не ватная поеб*нь, ей в этом паблице не место...* [https://vk.com/politicsright?w=wall-85806349_175323_r175340, последняя дата обращения 6.04.2024]

Как видим, в примере автор использует обценную лексику, а также прилагательное, образованное от негативно окрашенной номинации *ватник*. Оба слова являются маркерами конфликта. Однако в этом контексте критике подвергается конкретный поступок человека, а не его личностные характеристики, что, несмотря на грубую форму, незначительно снижает враждебность фразы, хоть и не до конца исключает ее.

Также нами была замечена другая тенденция — употребление пейоративов, которые тем не менее в контексте обладают низкой конфликтогенностью. Это связано с такой функцией речевой агрессии, как «эмоциональная разрядка» [Жельвис 2001: 37]. В основном это различные негативные высказывания по отношению к конкретным политикам или политическим партиям.

чубайс крыса в законе. [https://vk.com/politicaelite?w=wall-123916919_303846_r303849 последняя дата обращения 1.03.2024]

В примере наглядно присутствует прямое оскорбление политического деятеля. Конфликтогенная языковая единица представляет собой трансформацию устоявшегося жаргонного выражения *вор в законе* с заменой первой части. Оно обозначает авторитета, принятого преступным сообществом и признанного им. Напротив, зоонимом *крыса* также на языке воровского арго именуют неприятного человека. Отметим, что данная зоометафора вышла в более широкое употребление, сохранив при этом отрицательные коннотации. Соответственно анималистический компонент придает фразе уничижительный оттенок. Уточнение *в законе* также может намекать, что воровством занимается человек, имеющий отношение к власти. Такое новообразование, созданное путем контаминации, обладает усиленной негативной окраской, так как сохраняет ее из двух единиц. Несмотря на это, предполагаем, что реальная способность спровоцировать конфликт в таких контекстах низкая, поскольку в этом случае основная функция использования негативно окрашенного словосочетания — терапевтическая. Поругав какого-либо политика, человек испытывает психологическое облегчение, а вероятность, что адресат прочтет это, крайне низка.

Конфликтогенность следующего текста, на наш взгляд, несколько выше.

Шкурье в политике — это п*здец (об интервью К. Собчак с Ю. Волковой, бывшей солисткой группы «Тату», участвовавшей в предварительном голосовании по отбору кандидатов в Государственную думу от партии «Единая Россия»). [https://t.me/righthigh/3101, последняя дата обращения 22.11.2022]

В примере присутствует несколько маркеров конфликта. С одной стороны, номинация. Существительное *шкура* также пришло из воровского арго, где изначально обозначало продажного человека, а затем так стали именовать преимущественно женщин. Однако в данном примере мы видим собирательное существительное, соответственно адресатом оскорбления является не только конкретный персонаж из интервью, а вообще все девушки, обладающие похожим поведением. Последующий обценнизм, которым автор характеризует ситуацию, усиливает экспрессивность всего высказывания.

Анализ контекстов показал, что схожие и почти одинаковые лингвистические единицы обладают различным конфликтогенным потенциалом. Реальная конфликтогенность слова или целой фразы зависит прежде всего от контекста и адресата. Мы выделили единицы, которые с высокой степенью вероятности способны спровоцировать столкновение. Чаще всего они проявляются в комментариях, где активно ведется дискуссия, пользователи переходят на личности и адресуют бранные слова конкретным лицам. В некоторых случаях, если оскорбление не персонализировано, оно также способно спровоцировать конфликт, так как приобщает конкретного человека к порицаемой группе людей. Лексические единицы, которые не выражают прямой враждебности, однако критикуют действия, обладают неоднозначным конфликтогенным потенциалом. Кроме того, стоит обозначить, что эти же слова и выражения в некоторых случаях почти не способны привести к острому противостоянию. Такое происходит, когда потенциальный адресат — публичная личность, а реальный — группа людей, разделяющих точку зрения пишущего. Основной интенцией автора в таком случае является не оскорбление с целью нанести психологический вред противнику, а облегчить собственные внутренние страдания и, в некоторой степени, развлечь единомышленников.

СЛОВАРИ

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — Текст : непосредственный.

2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — URL: https://www.efremova.info/ (дата обращения: 12.04.2024). — Текст : электронный.

3. Словарь современной лексики, жаргона и сленга. — URL: <https://argo.academic.ru/> (дата обращения: 6.04.2024). — Текст : электронный.

4. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. — Москва : Оникс : Мир и образование, 2009. — 1360 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антропова, В. В. Речевая агрессия в текстах социальных сетей: коммуникативный аспект / В. В. Антропова. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2015. — № 3. — С. 123–127.

2. Балахонская, Л. В. Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» / Л. В. Балахонская, И. А. Быков. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2018. — Т. 15. — Вып. 3. — С. 492–506.

3. Жельвис, В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Ладомир, 2001. — 352 с. — Текст : непосредственный.

4. Иваненко, Г. С. Коммуникация в социальной сети: факторы конфликтности / Г. С. Иваненко. — Текст : непосредственный // Юрислингвистика. — 2020. — № 18. — С. 21–25.

5. Карповская, Н. В. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтности и их когнитивно-прагматическом потенциале / Н. В. Карповская, И. Р. Абкадырова, И. И. Давтянц. — Текст : непосредственный // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. — 2022. — № 1 (2). — С. 14–25.

6. Макаренко, Г. С. Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук / Макаренко Г. С. — Уфа, 2018. — 192 с. — Текст : непосредственный.

7. Михайлова, О. А. Речевой конфликт и коммуникативные сценарии его гармонизации : учеб.-метод. пособие / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова, И. В. Шалина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — 136 с. — Текст : непосредственный.

8. Покровская, А. Я. Эмоциональные прототипы агрессивного поведения / А. Я. Покровская. — Текст : непосредственный // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания : тезисы докладов науч. конф. — Волгоград : [б. и.], 1997. — С. 25–28.

9. Савельева, И. В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсоналогический аспекты моделирования : дис. ... д-ра филол. наук / Савельева И. В. — Кемерово, 2022. — 496 с. — Текст : непосредственный.

10. Стеклова, Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности / Т. И. Стеклова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2013. — № 3 (45). — С. 77–81.

11. Тагильцева, Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Тагильцева Ю. Р. — Екатеринбург, 2006. — 251 с. — Текст : непосредственный.

12. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.

13. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

14. Шейгал, Е. И. Семантика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал. — Волгоград : [б. и.], 2000. — 440 с. — Текст : непосредственный.

15. Щербинина, Ю. В. Русский язык: речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю. В. Щербинина. — Москва : Флинта, 2018. — 224 с. — URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/22849/reading> (дата обращения: 13.04.2024). — Текст : электронный.

DICTIONARIES

1. Kuznecov, S.A. (Comp., Ed.) (2000). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [A Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint, 1536 p. (In Russ.)

2. Efremova, T.F. (n.d.). *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New Dictionary of the Russian

Language. Explanatory and word-formative]. Retrieved April 12, 2024, from <https://www.efremova.info/> (In Russ.)

REFERENCES

1. Antropova, V.V. (2015). Rechevaya agressiya v tekstah social'nyh setej: kommunikativnyj aspekt [Speech aggression in social network texts: communicative aspect]. In *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. ZHumalistika*, 3, 123–127. (In Russ.)

2. Balahonskaya, L.V., & Bykov, I.A. (2018). Rechevaya agressiya v politicheskikh blogah radiostancii "Ekho Moskvyy" [Speech aggression in political blogs of "Ekho Moskvyy" radio station]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature*, 15(Iss. 3), 492–506. (In Russ.)

3. Zhel'vis, V.I. (2001). *Pole brani: skvernoslovie kak social'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [The field of swearing: profanity as a social problem in the world's languages and cultures]. Moscow: Ladomir, 352 p. (In Russ.)

4. Ivanenko, G.S. (2020). Kommunikaciya v social'noj seti: faktory konfliktogenosti [Communication in a social network: conflictogenic factors]. *Jurislingvistika*, 18, 21–25. (In Russ.)

5. Karpovskaya, N.V., Abkadyrova I.R., & Davtyanc, I.I. (2022). O konfliktnom diskurse, leksicheskikh markerakh konfliktogenosti i ih kognitivno-pragmaticheskom potentsiale [On conflict discourse, lexical markers of conflictogenicity and their cognitive-pragmatic potential]. *Byulleten' gumanitarnykh issledovanij v mezhdisciplinarnom nauchnom prostranstve*, 1(2), 14–25. (In Russ.)

6. Makarenko, G.S. (2018). *Konfliktnyj tekst kak ob'ekt lingvistikeskogo issledovaniya: strukturno-semanticheskij i pragmaticheskij aspekty* [Conflict text as an object of linguistic research: structural-semantic and pragmatic aspects] [Dis. of Cand. of Philology]. Ufa, 192 p. (In Russ.)

7. Mihajlova, O.A. (2022). *Rechevoj konflikt i kommunikativnye scenarii ego garmonizacii: uchebno-metodicheskoe posobie* [Speech Conflict and Communicative Scenarios of its Harmonisation: Educational and Methodological Manual]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 136 p. (In Russ.)

8. Pokrovskaya, A.Ya. (1997). Emotsional'nye prototipy agressivnogo povedeniya [emotional prototypes of aggressive behavior]. In *Yazykovaya lichnost': problemy oboznacheniya i ponimaniya* [Abstracts of reports in scientific conference, pp. 25–28]. Volgograd. (In Russ.)

9. Savel'eva, I.V. (2022). *Neprofessional'nyj politicheskij diskurs kak novoe kommunikativnoe yavlenie: lingvopragmaticheskij i lingvopersonalogicheskij aspekty modelirovaniya* [Non-professional political discourse as a new communicative phenomenon: linguopragmatic and linguopersonalogical aspects of modelling] [Dis. Of Doc. Of Philology]. Kemerovo, 496 p. (In Russ.)

10. *Slovar' sovremennoj leksiki, zhargona i slenga* [Dictionary of modern vocabulary, jargon, and slang]. Retrieved April 6, 2024, from <https://argo.academic.ru/> (In Russ.)

11. Steklova, T.I. (2013). Rechevaya agressiya v internet-kommentariyah kak proyavlenie social'noj napryazhennosti [Speech aggression in Internet comments as a manifestation of social tension]. In *Political Linguistics*, 3(45), 77–81. (In Russ.)

12. Tagil'ceva, Yu.R. (2006). *Sub'ektivnaya modal'nost' i tonal'nost' v politicheskom internet-diskurse* [Subjective modality and tone in political Internet discourse] [Dis. of Cand. of Philology]. Ekaterinburg, 251 p. (In Russ.)

13. Ozhegov, S.I. (2009). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: OOO Izdatel'stvo Oniks: OOO Izdatel'stvo Mir i Obrazovanie, 1360 p. (In Russ.)

14. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)

15. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000): a monograph]. Ekaterinburg, 238 p. (In Russ.)

16. Sheygal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] [Dis. Of Doc. Of Philology]. Volgograd, 440 p. (In Russ.)

17. Shcherbinina, Yu.V. (2018). *Russkij yazyk: Rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya* [Russian language: Speech aggression and ways to overcome it]. Moscow: Flinta, 224 p. Retrieved April 13, 2024, from <https://ibooks.ru/bookshelf/22849/reading>. (In Russ.)